

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

На бойком месте. Александр Николаевич Островский

(комедия в трех действиях)

Действие первое

Лица

Павлин Ипполитович Миловидов, помещик средней руки, лет 30, из отставных кавалеристов, с большими усами, в красной шелковой рубашке, в широких шароварах с лампасами, в цыганском казакине, подпоясан черкесским ремнем с серебряным набором.

Вукол Ермолаевич Бессудный, содержатель постоялого двора на большой проезжей дороге, крепкий старик лет под 60, лицо строгое, густые, нависшие брови.

Евгения Мироновна, жена его, красивая баба, годам к 30.

Аннушка, сестра его, девушка 22 лет.

Пыжиков, из мелкопоместных, проживающий по богатым дворянам, одет бедно, в суконном сак-пальто, но с претензией на франтовство.

Петр Мартыныч Непутевый, купеческий сын.

Сеня, его приказчик.

Жук, работник Бессудного.

Раззоренный, ямщик.

Гришка, человек Миловидова, молодой малый, одетый казачком.

Действие происходит на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием «На бойком месте», лет сорок назад.

Комната на постоялом дворе; направо в углу печь с лежанкой; посредине, подле печи, дверь в черную избу, левее часы с расписанным циферблатом, еще левее в углу комод и на нем шкафчик с стеклянными дверцами для посуды; с правой стороны, у печки, дверь в сени, ближе к зрителям кровать с ситцевым пологом; на левой стороне два окна, на окнах цветы: герани и жасмины; в простенке зеркало, по бокам лубочные портреты; под зеркалом старый диван красного дерева, обитый кожей, перед диваном круглый стол.

Явление первое

Бессудный и Раззоренный.

Бессудный. Отпрег?

Раззоренный. Отпрег.

Бессудный. Стало быть, выпить пришел, что ли?

Раззоренный. Стаканчик надо бы поднести.

Бессудный. Отчего не поднести! (Наливает стакан и подает.) Пей на здоровье!

Ямщик пьет.

Дорога, что ль, тряска, Петра-то Мартыныча как раскачало!

Раззоренный. Какая тут дорога! известно, круговые. В Покровском рублев на сто поболе начудили.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Бессудный. Что ж они там?

Раззоренный. Известно их занятие: пить да чтоб бабы подле, значит, для балагурства, и сейчас бумажками оделять.

Бессудный. Значит, они с прохладой, домой-то не больно торопятся.

Раззоренный. А кто ж их... Я в Покровском на сдачу взял до Новой деревни... Перегон-то восемьдесят верст, а где половина-то? Чай, сам знаешь, семь верст за вами; а я все к тебе, Вукол Ермолаич. Купцы спрашивают, где кормить будем? Известно, говорю, где: на «Бойком месте» у Вукол Ермолаича.

Бессудный. Да спасибо, спасибо, что не забываешь.

Раззоренный. Да что спасибо. Мы тоже ласку помним... Ты бы меня хоть двугривенничком осеребрил.

Бессудный. А из каких доходов? Еще твои купцы-то у меня ничего не прожили. Вот погоди, по доходу глядя, и тебя не забудем.

Раззоренный. Так я кормить пойду.

Бессудный. А ты не торопись, пушай у меня погостят подольше, не все ж одним покровским от них пользоваться.

Раззоренный. Ну да ладно! Копаться-то мы и без просьбы мастера; торопиться вот, так это мы не умеем. (Уходит.)

Бессудный (у двери). Мироновна! А Мироновна! Поди сюда. Сестрица! Анна! Аннушка! Идите сюда, говорю вам! Что вас не дозовешься!

Евгения и Аннушка входят.

Явление второе

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Где вы там забились? Когда вас надо, вас тут и нет. Дуры, право дуры!

Евгения. Какой ты, Ермолаич! Да разве я не хозяйка! Туда сунься, за тем погляди, с ног собьешься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама...

Бессудный. Хозяйка ты! Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки в чулане перебирать. А тут сотни летят. Разевайте рот-то! На овсе-то немного наторгуешь. Петр Мартыныч приехал, слышишь ты!

Евгения. Ох, Ермолаич, право, уж мне повесничать-то не больно по сердцу! Кабы я была девушка, никому не подвластная, другое дело. Я так считаю, что ты моя глава. Мне когда и в шутку кто скажет что-нибудь, так я за грех понимаю против тебя. Право, уж я такая зародилась совестливая и для мужа своего покорная, а тут поди балясничай с ними, с охальниками.

Бессудный. Да, нужно очень! Тыними маску-то! Перед кем ты тут свою покорность показываешь! Уж ты при людях лисой-то прикидывайся, а я тебя и без того знаю. Говорят тебе, непутевый с приказчиком в Покровском сто рублей пропили; а что бабам роздали, так и числа нет.

Евгения. Ой, что ты! Да неужто вправду? (Поправляется перед зеркалом.)

Бессудный (Аннушке). А ты что губы-то надула? Даром, что ль, вас кормить-то в самом деле! Как у тебя в глазах стыда-то нет.

Аннушка. У тебя стыда нет, а у меня есть.

Бессудный. Анна!! Ты смотри, не разбуди во мне беса! Во мне их сотня сидит; как начнут по моим жилам ходить, в те поры у меня расправа ножовая.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Аннушка. Так уж убил бы ты меня скорее, коли тебе кровь-то человеческую все равно что воду лить. (Уходит в среднюю дверь.)

Бессудный. Эко зелье зародилось! вся в меня!

Евгения (отворяя дверь, с притворным смехом). Хи-хи-хи, хи-хи-хи! Здравствуйте, господа купцы! Петенька, здравствуй! (Уходит.)

Бессудный. Жену-то я взял, кажись, не ошибся; а сестра-то мне не ко двору пришла. Ей бы в монастыре жить, а не на постоялом дворе.

Входит Жук.

Что ты ?

Жук. Проезжие позываются! да, кажись, народ-то такой, что пущать не стоит.

Бессудный. Так и не пуцай! На что нам дряни-то! Только место занимают, а корысти-то от них немного. Постой, я пойду сам погляжу.

Уходят. Из средней двери выходят Сеня и Евгения.

Явление третье
Сеня и Евгения.

Сеня. Что это у вас Анна-то Ермолавна спесива очень?

Евгения. Уж такая-то фурия, что не накажи господи!

Сеня. По вашему занятию ей словно как надобно бы пообходительнее быть, потому что от этого хозяину выгода зависит.

Евгения. Какая выгода! Нам с мужем от нее только неудовольствие одно. Вот, говорят, Сеня, что золовки завсегда неладно живут промеж собой. Какому же тут ладу быть, когда я, с моим ангельским характером, и то не могу ужиться с ней.

Сеня. Так-с.

Евгения. К нам один барин ездит, хороший барин, и крестьяне у него есть, не так чтобы много, а довольно; ну, обыкновенно их господское дело, и приглянись ему эта наша принцеса. Ну что ж такое! Дело очень и очень обыкновенное; каждый день мы видим. А она приняла это за важность! Кто я! Да что я! Да он на мне женится, я барыня буду! Как же не так, дожидайся! Ни брату, ни мне не дает слова выговорить. Уж что я через ее обиды да насмешки мучения приняла, так, кажется, мне всю жизнь не забыть.

Сеня. И что же теперича этот барин-с?

Евгения. Что! Известно что! Очень ему нужно. Ну, да уж и я не подарок; удружила и я ей; будет меня благодарить долго.

Сеня. Что же вы такое? Позвольте поинтересоваться!

Евгения. Много будешь знать, скоро состарешься.

Входят Непутевый и Аннушка.

Явление четвертое
Евгения, Сеня, Непутевый и Аннушка.

Непутевый. Стало быть, мы не хороши? каких же тебе еще, коли уж я не хорош?

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Аннушка. А неужто ты думаешь, что ты хорош? Кто ж это тебе сказал? ты не верь. Обманули тебя!

Непутевый. Ну, однако, ты не очень! Для кого не хорош, а для кого, может, я и хорош!

Аннушка. Ну и ступай туда, где ты хорош.

Непутевый. Стало быть, я за свои деньги да уважения здесь не вижу. Что ж такое! Какой это порядок! Куда я заехал? Кто здесь смеет важничать, кроме меня? Я деньги плачу.

Аннушка. Да отстань ты от меня, не нуждаюсь я твоими деньгами! Сказано тебе.

Непутевый. Семен! Во фронт передо мной! Ты чего смотришь! Как нас здесь принимают! Али бунт сделать? Они еще пыли-то от меня не видывали. Семен! Давай посуду бить! Все окна высадим!

Евгения. Ну, полно, Петя, полно! Ты уж не дури! Поди усни, поди, голубчик, отдохни! Легко ли, день-деньской ты маешься. А вот проспишься, мы уж тебе всё, в твое уважение.

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч! Пойдемте спать, целые сутки не спали.

Непутевый. Я жить хочу, хочу жить.

Евгения. А вот выспишься, так живи в свое удовольствие.

Непутевый. Мне бы разбить что-нибудь. Ух! кажется, я...

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч, оставьте!

Евгения. Ты сосни поди, а проснешься, да придет тебе желание посуду бить, так я тебе приготовлю; у нас есть такая.

Непутевый. Ну, спать так спать. (Уходит.)

Сеня затворяет за ним дверь.

Сеня. Ведь ишь какой круговой! Одного его пустить никак нельзя. Меня родители-то с ним и посылают нарочно для береженья, чтоб его беречь в дороге. (Уходит.)

Явление пятое
Евгения и Аннушка.

Евгения. Что ж, долго это нам терпеть от тебя?

Аннушка. Никто тебя терпеть не заставляет.

Евгения. Долго ты наших гостей-то обижать будешь?

Аннушка. Никого я не обижаю. А что всякий пьяница ко мне лезет, так я этого терпеть не могу. Так я вам прежде говорила, так и теперь говорю.

Евгения. Ты терпеть не можешь, а мне, стало быть, ничего? Что ж, я хуже тебя? Говори! Хуже я тебя?

Аннушка. Всякий сам себе хорош. Ты вот с ними хохочешь, всякие нехорошие слова мелешь да целуешься, а мне это гадко.

Евгения. Стыдно небось! Погоди больно стыдиться-то, еще не барыня, еще когда будешь; да полно, будешь ли! Что-то мне не верится. А теперь пока такая же мещанка, как и я.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Аннушка. Нет, не такая же.

Евгения. Какая же? Из конфет, что ль, ты слеплена?

Аннушка. Не из конфет, а во мне стыд есть, а в тебе нет.

Евгения. Кому это нужен твой стыд здесь?

Аннушка. Мне он нужен.

Евгения. Ах! скажите пожалуйста! А что ты себе этим выиграла?

Бессудный входит.

Явление шестое

Евгения, Аннушка и Бессудный.

Бессудный. Что вы тут! Что на вас ладу нет! Как только бабы вместе, так и перессорились. Эка порода проклятая! Что вам делить-то!

Евгения. Да вот все сестрица твоя барыню из себя корчит; от хороших людей она нос воротит, а к кому сама льнет, так те на нее смотреть не хотят.

Аннушка. Ни к кому я не льну. Это ты льнешь ко всякому.

Евгения. Кого ты, бесстыжие глаза, обмануть хочешь! Все видят, как ты к Павлину Ипполитычу виснешь, да жаль, что он-то тебя знать не хочет.

Аннушка. Виснуть я к нему не висну, а что он меня знать не хочет, я все ж таки не виновата.

Бессудный. Кто ж виноват?

Аннушка. Я не знаю. Оставьте вы меня! (Садится к столу.)

Бессудный. Кто ж знает-то? Барин хороший, добрый, ездил почитай каждый день, что денег проживал у меня, а теперь реже да реже, да, пожалуй, и совсем перестанет.

Евгения. Что мудреного!

Бессудный. Барин тороватый, простой, деньги тратит, не считает. Где другого такого найдешь! Не будет ездить, так видимый убыток.

Аннушка. Тебе денег-то жалко, а у меня вся жизнь отнята, все мое счастье.

За сценой звон колокольчика и бубенчиков. Входит Жук.

Жук. Капитан-исправник едет.

Бессудный (вынимает повешенный на шее кошель, достает ассигнации и отдает жене).
Поди скажи, что нездоров, с похмелья, мол, головой мается.

Евгения уходит.

Аннушка. Ты меня, братец, отпусти домой! На что я тебе!

Бессудный. А дома что делать? Баклуши бить.

Аннушка. Я в монастырь уйду, а то по богомольям пойду. Жизни я своей теперь не рада.

Бессудный. Да с чего это у вас сталося?

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Аннушка. Не знаю. Вины моей перед ним нет никакой; я так думаю, наговорили ему на меня напрасно.

Бессудный. Наговорить-то некому. Кому наговорить! Что ты врешь!

Аннушка. Кто ж знает. Разлучить нас захотели. Кому-нибудь нужно было. Точно я свое счастье во сне видела. Жила я у матушки, никакой беды не знала! Взял ты меня на погибель на мою!

Бессудный. Какая погибель, дура! Что тебе у матушки? Только и свету, что в окне; ты и людей-то не видала. Я тебе добра хотел.

Аннушка. А что проку, что я людей-то видела! Полюбил меня барин молодой, красавец; кого ж я после него любить могу, кто мне мил может быть, какая моя жизнь? Хотел он меня замуж взять, а теперь бросает. До петли ты меня доводишь, вот оно твое добро-то!

Бессудный. Уж и замуж! не больно ль много?

Аннушка. Что ж ему замуж меня не взять, коли я ему нравлюсь! а игрушкой его я быть не хочу.

Бессудный. Видишь ты, какая в тебе гордость глупая! Кому ж может быть она приятна?

Аннушка. Да я его и не просила, он сам этого хотел. А по мне, хоть бы в работницы взял, так я бы рада была. Не то что женой быть, я собаке-то его завидовала, что она завсегда с ним и завсегда может ему руки лизать. Только как бы я его ни любила, а я завсегда скажу, что я хочу на чести жить.

Бессудный. Эко дело! а! Ворожбы какой нет ли?

Аннушка. Не знаю я, ничего не знаю.

Колокольчик, бубенчики и свист. Входит Евгения.

Евгения (со смехом). Уж такой-то шутник! Такой-то шутник! Измял всю, право.

Бессудный. Не сахарная, не развалишься.

Евгения. И чтой-то такое, Ермолаич, скажи ты мне на милость: с кем я ни поиграю, с кем я ни поиграю, и все это мне постыло. И оттого это, я так думаю, что не пристало мне, замужней женщине, так как я замужняя женщина, для одного мужа обязанная.

Бессудный. Разговаривай тут, уж слышали!

Евгения. А что для тебя, как ты сам этого хочешь, я готова со всяким пошутить в удовольствие, только чтоб другие не судили по моему веселому характеру. Я завсегда себя помню и что такое муж..

Бессудный. Ну и ладно, будет толковать-то!

Колокольчик и бубенчики. Жук входит.

Жук. Павлин Ипполитыч приехал.

Евгения. Ах, батюшки! Вот не ждали-то!

Бессудный (жуку). Поди высаживай!

Жук уходит.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Вино-то есть у нас?

Евгения. Как для таких гостей не быть!

Бессудный. Так доставайте, да становитесь встречать.

Евгения с Аннушкой берут по подносу, ставят на них большие рюмки, наливают из бутылки вина, кладут на подносы по нескольку пряников и становятся среди комнаты. Бессудный у двери. Входят Миловидов и Пыжиков, Бессудный кланяется в пояс. Миловидов подходит к Евгении и Аннушке, пьет у обеих вино и целует их.

Явление седьмое

Миловидов, Пыжиков, Бессудный, Евгения, Аннушка и потом Гришка.

Миловидов (показывая на Пыжикова). Поднесите и ему.

Евгения и Аннушка наливают вина, подносят Пыжикову и кланяются.

Пей, целуй хозяек да клади деньги! У нас такое заведение!

Пыжиков пьет.

Вы его задаром не целуйте. Пускай по целковому на поднос кладет.

Пыжиков. Послушай! Что же это ты! Это конфуз, братец ты мой!

Миловидов. Ну, уж я за него заплачу.

Пыжиков целует хозяек.

Бессудный. Каким ветром, сударь Павлин Ипполитыч?

Миловидов. К Гуляеву обедать еду вот с этим милашкой. Мимо ехал и заехал.

Бессудный. Так, сударь, так. Потчевать чем прикажете?

Миловидов. Кучеру стакан вина, да чтоб не откладывал, я скоро поеду. Гришке не давай (грозит пальцем), он еще молод. А мне пока ничего не надо. У меня свое есть.

Бессудный уходит, Гришка вносит две бутылки вина, закуску и ставит на стол; кладет на диван ковер и подушку, потом подает барину трубку и становится у двери.

Евгения. Забывать нас стали, Павлин Ипполитыч! Либо заспесивились, право заспесивились.

Миловидов. Какая спесь, Евгения Мироновна. Не то ты толкуешь.

Евгения. Вы нашей-то стряпни что-нибудь отведайте. Прикажете хоть грибков изжарить.

Миловидов (кивая головой). Ну жарьте, ступайте.

Евгения и Аннушка уходят.

Ну, видел?

Пыжиков. Видел.

Миловидов. Что скажешь?

Пыжиков. Красавица писаная.

Миловидов. Вот то-то же! Вот какой у меня характер; сразу врозь, и кончено дело.

Пыжиков. Да отчего же так?

Миловидов. Это уж я про то знаю. А как влюблен был! Тебе никогда сроду так не влюбиться! Да где тебе! Это невозможно!

Пыжиков. А ты почем знаешь?

Миловидов. Чего-с? Позвольте! Ты можешь влюбиться так, как я? Нет, уж это дудки!

Пыжиков. Напрасно вы так думаете. Отчего же это?

Миловидов. Оттого, что у тебя душа коротка, благородных чувств мало. Этак всякий бы... Ты вон дрянь какую-то куришь, сигарки дешевые. Уж коли ты мужчина, так кури трубку, хоть махорку, да трубку... Ну да что толковать! Во мне искра есть, а в тебе нет. Я лихой малый, душа нараспашку; кавалерист как есть; рубака, пьяница, а благородный человек; на ногу себе наступить не позволю.

Пыжиков. Ваше при вас и останется.

Миловидов. Да разумеется. (Подходит к Пыжикову и крепко берет его за руку.) Ты слушай, слушай! Вот как я ее любил: ты видишь, она простая девка, а я у ней руки целовал – руки целовал; как тебе это покажется! На коленях стоял перед нею! Каково это! А отчего я так влюбился? Оттого, что завлекся, вот отчего! Пойдем выпьем. (Подходят и пьют.) Ведь уж ты знаешь, какой я ходок, нечего сказывать? А тут вдруг осечка: встречаю такую девушку, что и подойти нельзя, держит себя строго. Фу ты пропасть! думаю. Вот диковина! В таком доме, а держит себя так, что и приступу нет. Я и с той стороны, и с другой, и подарки-то, и то, и се; Гибралтар, просто Гибралтар! Так я как завлекся, влюбился, как мальчишка. Жениться хотел! Вот ты и знай! (Подходит к столу и пьет рюмку вина.) Родные услышали это, тетушки да бабушки, в ужас пришли; а мне черт с ними, я живу сам по себе. Начали они меня усовещивать, невест разных подставлять, чтоб разбить, баб на воду шептать заставляли да меня спрыскивали; одна тетка настоящего колдуна призывала, чтоб отворожить – ничего не действует. Вот она какая любовь-то была! А им беда! Им меня на барышне женить хочется. А я чепчиков видеть не могу. Чтоб в моем доме да завелись чепчики! Нет уж, этому не бывать! Мне барышню и посадить-то не на чем. У меня в гостиной седла да арапники, а вместо диванов сено насыпано да коврами покрыто. Не расставаться ж мне с моими порядками. Мне давай такую жену, чтоб она по моей дудочке плясала, а не я по ее. И что же, братец ты мой, при такой-то любви, услышал я только одно слово, и как рукой сняло. Два дня походил дома из угла в угол, потужил и оборвал сразу.

Пыжиков. От кого ж ты услышал это слово?

Миловидов. Ну уж это мое дело; только от верного человека.

Пыжиков. А с ней ты говорил об этом или нет?

Миловидов. С какой стати. Упрекать ее, что ли? Не мой характер. Я по-благородному, пренебрег, и кончено дело. В глаза ей показываю, что пренебрегаю, вот и все.

Пыжиков. Все же бы тебе объясниться с ней, может она и не виновата.

Миловидов. Как, еще объясняться! Что она, барышня, что ли? Девка простая, да стану я с ней объясняться! Много чести.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Пыжиков. Однако ты на коленях стоял, руки целовал.

Миловидов. То дурь была, а теперь я в полном разуме. Да и признаться тебе сказать, я женских слез не люблю. Пожалуй, еще разжалобит, старая-то блажь воротится, а этого теперь нельзя.

Пыжиков. Уж будто и нельзя?

Миловидов. Да, нельзя, потому что я благородный человек. Понимаешь ты это? Нечего и разговаривать. Да у меня теперь уж другое на уме. Такой сюжетец, что похлопотать стоит.

Пыжиков. А из каких?

Миловидов. Никогда не говорю, мое правило.

Пыжиков. Значит, ты уж совсем от Аннушки прочь?

Миловидов. Ну конечно.

Пыжиков. Так надо теперь за ней поволочиться.

Миловидов. Что-о?

Пыжиков. Поволочиться хочу за Аннушкой.

Миловидов. Ты? Я ничего не успел, а ты хочешь волочиться! Что ж, я хуже тебя? Э, брат, нет! Так ступай же к Гуляеву-то пешком.

Пыжиков. Как же пешком! Ведь ты меня хотел довести.

Миловидов. Нет, пешком, пешком.

Пыжиков. Что ж это такое?

Миловидов. За подлости за твои.

Пыжиков. Какие же подлости? Ты, брат, не очень!

Миловидов. Такие же подлости, что ты очень много о себе думаешь!

Пыжиков. Да я шучу; ну право же, шучу.

Миловидов. То-то же «шучу»! Ну и я шучу. Эй! Где гитара моя?

Аннушка входит с гитарой.

Явление восьмое
Миловидов, Пыжиков, Аннушка и Гришка.

Аннушка. Вот вам гитара. Извольте!

Миловидов. Я сказал, чтоб мою гитару не смели трогать. Вот я ее домой увезу.

Аннушка. Ее никто и не трогал. Я играю иногда.

Миловидов. Вот как! Так это ты играешь! Мило! Что же ты играешь?

Аннушка (со слезами). Те песни, которые вы меня учили.

Миловидов. Что ж! От скуки хорошо, все-таки занятие.

Аннушка. Нет, уж мою скуку песнями не разгонишь.

Миловидов берет несколько аккордов.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Видно, мне с моей тоской до могилы не расстаться.

Миловидов аккомпанирует романс; Аннушка подпевает сначала тихо, потом громче.

Пела, пела пташечка.
Да замолкла;
Знало сердце радости,
Да забыло.
Миловидов играет ригурнель.

За что вы, Павлин Ипполитыч, загубили всю жизнь мою? Вы мне хоть слово скажите!

Миловидов играет аккомпанемент, она поет.

Ах, сгубили пташечку
Злые вьюги,
Загубили молодца
Злые люди.
Миловидов. Каков голос, а?

Пыжиков. Голос чудесный.

Миловидов. Вот то-то и есть; так где ж тут тебе!

Аннушка. Не мучьте меня, Павлин Ипполитыч, скажите мне, чем я перед вами виновата? Отчего вы так переменились?

Миловидов. Нет, я ничего, я такой же! А ты разве замечаешь, что я переменился к тебе? А мне кажется, что я ничего не переменился. Гришка!

Гришка выходит на середину комнаты.

Аннушка. Я, Павлин Ипполитыч, с жизнью расстанусь, а вы шутите. Как вам не грех! Я домой собираюсь, может быть, уж мы больше не увидимся; вы меня любили прежде – хоть по старой памяти скажите, отчего я вам опротивела. Наговорили вам что-нибудь, или другая есть лучше меня?

Миловидов (поднимая с полу палочку). Вот видишь! (Ломает палочку и бросает в разные стороны.) Вот было вместе, теперь врозь! Попробуй составить – не составишь. Так и любовь. И разговаривать нечего! Гришка, ходи! (Играет трепака.)

Гришка пляшет.

Дробь! Дробь! говорят тебе. (Опускает гитару и пристально смотрит на Гришку.) Скоро ли я тебя, подлеца, выучу!

Гришка. Уж я, сударь, сам немало казнюсь на себя; самому до смерти хочется поскорее выучиться. Начнешь это в людской протверживать, так бы, кажется, об стену себе голову и расшиб. Кабы меня с малолетства, сударь.

Миловидов. А что?

Гришка. Потому у меня к этому охота большая. Да я, сударь, помаленьку дойду. Уж это вы будьте покойны. Вот извольте посмотреть, вот это колено. Извольте, сударь, играть.

Миловидов играет, он пляшет.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Почаще, сударь.

Миловидов. Ходи круче! Ну вот, молодец! (Перестает играть.) Трубку!

Аннушка берет трубку и передает Гришке. Гришка уходит.

Ух, устал!

Аннушка поправляет подушку на диване, он ложится.

Пыжиков. Бесчувственный ты Дон-Жуан!

Миловидов. Много ты понимаешь: с женщинами, брат, иначе нельзя.

Аннушка. Узнать бы мне только, кто это у меня разлучница!

Входят Гришка с трубкой, Бессудный и Евгения с блюдом грибов.

Явление девятое

Миловидов, Пыжиков, Аннушка, Евгения, Бессудный, Гришка, потом Непутевый и Сеня.

Евгения. Пожалуйте, господа, грибков отведайте.

Бессудный. Чем богаты, тем и рады.

Из средней двери показывается Непутевый, за ним Сеня.

Непутевый. Господа, позвольте с вами компанию иметь.

Миловидов (приподымаясь). Что?

Непутевый. Позвольте компанию иметь.

Миловидов. Пошел вон! Куда ты лезешь!

Сеня. Петр Мартыныч! Петр Мартыныч! хозяин! нехорошо, нехорошо!

Евгения. Поди, Петя, здесь тебе не место.

Непутевый. Я сам могу соответствовать. Я сам никого не хуже. Что такая за важность! Эй, хозяин, давай сюда шампанского!

Миловидов (встает с дивана). Уйдешь ты или нет? Сказано тебе: убирайся!

Сеня. Но, однако, хозяин, оставьте! Оставьте, говорят вам!

Евгения. Петя, поди на свое место, поди, голубчик! мы тебе туда вина подадим.

Непутевый. Я при своем капитале завсегда могу...

Евгения и Сеня провожают его за дверь.

Миловидов (закусывая). Что это за Петя?

Евгения. Купчик знакомый; он раз пять в год мимо нас ездит, так всегда заезжает.

Миловидов (Бессудному). То-то ты, чай, их обираешь. Подпоишь, да и грабишь, как

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
душе твоей хочется.

Бессудный. Не те нынче времена, чтоб грабить.

Миловидов. А другой упирается, не любит, чтоб его грабили, так и попридушить можно.

Бессудный (сверкнув глазами). Это вы напрасно. В старину, говорят, по этой дороге так дела делались! Место бойкое, сами знаете. Заедут купцы целым обозом, так дворники запрут ворота да без разговору перережут всех до единого; а который вырвется на улицу, так соседи поймают да ведут к дворнику-то! «Что, говорят, ты овец-то по деревне распустил?» Ха, ха, ха! овец! Вот поди ж ты, какое время было!

Миловидов. Что ж, теперь тебе жаль этого времени?

Бессудный. Не то что жаль, что мне жалеть, коли я на чести; а я к тому говорю, что какая необразованность была!

Входит Жук.

Жук. Мироновна, поди овса отпущай.

Евгения. Ох, уж не хочется! Поди, Ермолаич. (Передает ключ мужу.)

Бессудный. Поди, Аннушка, отпусти. (Передает ей ключ. Аннушка уходит.)

Пыжиков. Не пора ли нам ехать?

Миловидов. Да пожалуй что и пора. Гришка, вели лошадей подавать да вернись вещи вынести.

Гришка берет бутылки и съестное и уходит.

Бессудный. Да я вынесу, что ему ходить-то. (Берет ковер, подушку и уходит.)

Пыжиков. Что ж, пойдём.

Миловидов. Пойдем! (Подойдя к двери.) Ах, да, расплатиться!

Пыжиков уходит.

Евгения (бросаясь на шею Миловидову). Когда ж опять-то?

Миловидов. Сегодня, часа через три.

Евгения. Ну, прощай, мой милый, красавчик мой писанный!

Аннушка смотрит в среднюю дверь.

Миловидов. Прощай, красота моя!

Целуются и уходят.

Аннушка. Вот она, разлучница-то моя! Нет уж, я теперь не уйду отсюда! Все равно мне умирать-то! Я уйду – они и знать не будут, как я мучаюсь; им будет весело без меня, они про меня и забудут совсем. Нет уж, умирать, так умирать на глазах у них. Рвите мое сердце на части, пейте мою кровь по капле, пока всю выпьете, да

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
уж и засыпьте меня землей. Да насыпьте могилу-то потяжеле, чтобы и мертвая-то я
не пришла да не помешала вам.

За сценой звон колокольчика, свист и крик: «Эх, вы, милые!»

Уехал! Прощай, Павлин Ипполитыч! За что ты погубил меня? Кому мне на тебя
жаловаться? Некому нас с тобой рассудить! Пусть Бог рассудит!

Действие второе

Лица

Миловидов.

Бессудный.

Евгения.

Аннушка.

Непутевый.

Сеня.

Жук.

Раззоренный.

Декорация 1-го действия.

Явление первое

Бессудный и Раззоренный.

Бессудный. Выкормил?

Раззоренный. Выкормил.

Бессудный (достает графин и стакан). Выпей стаканчик, повеселей поедешь.
(Подносит.)

Раззоренный (берет стакан). Будь здоров! (Пьет.)

Бессудный. Спасибо. Пей еще!

Раззоренный. Нальешь, так выпью, на землю не вылью.

Бессудный. Пей на доброе здоровье.

Раззоренный (пьет). Благодарим покорно. А что мои купцы? Закладать бы пора.

Бессудный. Только что проснулись, чай с кизлярской водкой пьют.

Раззоренный. Ишь они угару-то набираются! Так я закладать.

Бессудный. Куда торопиться-то! А клади с вами много?

Раззоренный. На порядках. Тарантас-то упористо идет, кой-где и поскрипывает.

Бессудный. Крепок тарантас-то?

Раззоренный. Казанский, новый, точно слитой.

Бессудный. А чинить не надо?

Раззоренный. Какая чинка! До туречины не чиня доедешь.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Бессудный. Да ты слушай! Чинить не надо ль? говорю я.

Раззоренный (помолчав). Да что его чинить-то, коли он как есть новый!

Бессудный. наладил! Ты дурака-то из себя не строй!

Раззоренный (помолчав). Что же мне теперича хозяев задаром в убыток вводить. Да, может, им к спеху.

Бессудный. Кто тебе говорит, что задаром! Не задаром!

Раззоренный. А много ль дашь?

Бессудный. По барышам глядя. Дай им поразгуляться-то!

Раззоренный. Пять рублей!

Бессудный. Может, и больше.

Раззоренный. Ой ли! Не обманешь?

Бессудный. Нешто я ямщика обману! Вы мне люди завсегда нужные.

Раззоренный. Ну, ладно! (Подходит к средней двери и отворяет ее.) Господа купцы, воля милости вашей, а что ехать нельзя.

Непутевый и Сеня входят.

Явление второе

Бессудный, Раззоренный, Непутевый и Сеня.

Непутевый. Ты что еще! Как так нельзя? Во фронт! Ты с кем говоришь?

Раззоренный. Да так же, что колесо расшаталось. Не на каждой же нам версте его замачивать; а выходит, надоть его перетянуть.

Сеня. Что же ты прежде-то?

Раззоренный. Прежде! А вы сами-то где были? Спали; так нешто я могу беспокоить?

Непутевый. Какие еще разговоры! Твое дело – что прикажут! Ты понимай, с кем ты говоришь! Велят тебе ехать, и сейчас чтоб готово, живой рукой! У меня такое расположение, чтоб ехать; как же ты можешь! Пошел на свое место!

Раззоренный. Что, конечно, оно можно ехать, отчего не ехать! А только, борони Бог греха, середь лесу ночью сядем, кто виноват останется?

Непутевый. Как так сядем? Ты и думать не моги! У меня чтоб живо!

Раззоренный. И я про то же. Какое здесь место? Сами знаете, шалунов тоже довольно – место бойкое; почитай в каждой деревне шалют. Тут теперича только давай Бог ноги, а часом сядем в овраге, так и от повозки убежишь.

Сеня. А вот посмотреть пойти, не врет ли он.

Раззоренный. Посмотреть пойти! Много ты знаешь! Скрипит колесо на ходу, ну, и, значит, рассохлось. Аль вам рубля жалко? А еще купцы!

Непутевый. Ну чини, черт с тобой! Слышишь ты, чини! Сколько денег надо?

Раззоренный. Кузнец – уж он знает. А теперича с вашей милости надо на водку!

Непутевый. Вы мошенники, вот что! На! (Дает деньги.) Да чтоб живо!

Раззоренный. Уж это без сумления.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Непутевый и Сеня уходят.

Бессудный. А сзади у вас есть проезжающие?

Раззоренный. Еще тройка.

Бессудный. Когда из Покровского?

Раззоренный. Те на ночь.

Бессудный. Кто везет?

Раззоренный. Стигней, – в корню серая.

Бессудный. Знаю.

Раззоренный. Только без всякой опаски едут, уж больно просто.

Бессудный. А что?

Раззоренный. Первое дело, в самую полночь они в ваш лес приедут, да очень пьяные, а лес-то на двадцать верст; а второе дело, чемодан сзади не очень складно привязан, совсем не по здешнему месту. Так я пойду. (Уходит.)

Бессудный (у двери в сени). Жук!

Жук выставляет голову из сеней.

Явление третье
Бессудный и Жук.

Жук. Чего?

Бессудный. Савраска в поле?

Жук. В поле.

Бессудный. Пригони да овса задай, пушай хоть всю меру съест. Да вымажи тележку хорошенько.

Жук. К ночи, что ль, сряжаться?

Бессудный. К ночи. Как станет смеркаться, ты выезжай из двора налево, да потом лесом круг двора и объедешь к большой дороге и жди меня там в кустах.

Жук. Ладно. А что припасать?

Бессудный. Я сам припасу что нужно. Пойдем-ка, я тележку-то посмотрю.

Уходят. Из средней двери входит Аннушка.

Явление четвертое
Аннушка, потом Непутевый и Сеня.

Аннушка (садится к столу). Как тень какая хожу! Поговорила б с кем-нибудь о своем горе, может быть, и полегче стало, да не с кем. Все одна, все одна, всю жизнь одна. А одной-то оставаться страшно, – все что-то в голову лезет дурное. Ну, я, чтоб одной-то не быть, иду в народ, а в народе-то я как будто лишняя. Все я точно что-то ищу. Боже мой! что они со мной сделали! Это меня Бог за гордость наказывает. Я золовку и за человека не считала, а он ее-то и полюбил, а меня, девушку, бросил.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Входят непутевый и Сеня.

Непутевый (садясь к столу). Ты что плачешь? Кто тебя обидел?

Аннушка. Поди прочь, не приставай ты ко мне.

Непутевый. Да ты что за барыня такая? Что ты важничаешь!

Аннушка. Поди к Евгении, она ласковая; а меня не тронь, мне и без тебя тошно.

Непутевый. Я сам знаю, куда мне идти, ты меня не учи! Вот что! Ты не смей мне указывать!

Аннушка. Русским тебе языком говорю: отойди. Аль ты слов не понимаешь!

Непутевый. Тешь мой обычай. Аль ты моего ндраву не знаешь! Я в Курчавине, бывало, запрягу девок в сани летом, да и ежжу по деревне. Ты знай обхождение купеческое!

Аннушка. Очень мне нужно знать ваше обхождение! Поди от меня, вот и все тут.

Непутевый. Да ты обо мне как понимаешь! Ты вот это видела? (Берет из кошелька горсть золота и рассыпает по столу.)

Бессудный отворяет среднюю дверь, быстро взглядывает и опять затворяет. Его видят Аннушка и Сеня.

Аннушка. Что ты делаешь! Убери деньги! Ради бога, убери!

Сеня. Петр Мартыныч, уберите деньги.

Аннушка. Да уезжайте вы от греха.

Непутевый. Зачем? Я здесь погулять хочу.

Бессудный опять взглядывает.

Аннушка. Говорят тебе, убирай деньги! У брата глаза разгораятся, так добра не бывать.

Непутевый. Зачем убирать? Пушай лежат. Вам что за дело!

Сеня. Петр Мартыныч, хочешь ты цел быть, так убирай деньги, да и поедем сейчас; а то так и с головой своей протисись.

Непутевый (Аннушке). Верно он говорит?

Аннушка. Какой ты дурак, как погляжу я на тебя! И жалеть-то тебя не стоит.

Непутевый собирает деньги.

Сеня. Петр Мартыныч, постой, оставь штуки четыре.

Непутевый. Зачем?

Сеня. Стало быть, надо. (Кричит в дверь.) Раззоренный!

Непутевый (Аннушке). Пойдешь за меня замуж? Вот отец умрет, я большой останусь.

Аннушка. Ну, хорошо, хорошо. В другой раз потолкуем.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Раззоренный входит.

Сеня. Где хозяин?

Раззоренный. Никак, на дворе возится.

Сеня. Ты еще не носил колеса в кузницу?

Раззоренный. Еще и кузнеца-то нет.

Сеня. Так закладывай, и поедem. (Показывает ему золотой.) Видишь ты это? Чтоб без разговору! Как готово, сейчас, значит, и получай.

Раззоренный. Мне что ж! Я хоть сейчас. (Хочет идти.)

Сеня. Пстой! Говори за ту же цену, только правду говори! Хозяин здешний на руку не чист?

Непутевый. Во фронт передо мной!

Сеня. Да погоди! Эко с тобой наказание!

Раззоренный. Да поговаривают.

Сеня. А что?

Раззоренный. Будто опаивает чем-то, потом оберет да с двора в шею; мне, говорит, с тобой с пьяным не возиться. А кто ж его знает, может и врут.

Аннушка. Уезжайте вы, ради Бога, пока засветло.

Сеня. Слышишь, Петр Мартыныч! Ну, ступай.

Раззоренный уходит.

Дай Аннушке-то!

Аннушка. Мне не надо.

Сеня. Ну так оставь на столе хозяевам, а один ямщику возьмем. Да пойдem, сядем в повозку, пока закладывают. Прощайся с хозяевами. Вот тебе картуз. А это я вынесу. (Берет одежду с лежанки.)

Непутевый. Хозяин, а хозяин! Прощай!

Бессудный выходит из сеней, Евгения – из средней двери.

Явление пятое

Непутевый, Сеня, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Бессудный. Куда заторопился! Погости! У меня шампанское для тебя припасено.

Непутевый. Не надо! Захотел да и поехал! Вот и знай нас. Вон там возьми себе на угощение. Прощай, хозяйка!

Евгения. Прощай, Петя! Прощай, сокол мой ясный, молодец распрекрасный.

Целуются.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Непутевый. А ты возьми себе за ласку остальные. Прощайте! (Уходит.)

Бессудный. Что он, белены, что ль, объелся! С чего он так вдруг?

Сеня. Кто ж его знает! Он у нас нравный! За угощение, хозяева! (Уходит.)

Явление шестое

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Отчего они уехали?

Аннушка. Почем я знаю. Не угодили чем-нибудь.

Евгения. Не ты ль не угодила?

Аннушка. Я не в тебя, очень-то угождать не умею.

Бессудный. Он тут деньги на стол сыпал?

Аннушка. Сыпал.

Бессудный. Зачем?

Аннушка. Так, ломался. Высыпал да опять убрал.

Бессудный. А много ль тебе дал?

Аннушка. Мне? Ничего. За что мне? Он за ласку деньги платит; а от меня ему ласки не было.

Евгения. И у меня ласка всем ровная; особой ласки ни для кого, кроме как для мужа, нет.

Аннушка. Полно, так ли?

Евгения. Да ты что за судья надо мной! У меня муж есть. Ты про что это еще?

Аннушка. Про особую-то ласку. Ты говоришь, что, кроме мужа, никому нет; так нет ли, вспомни.

Евгения. Что ж ты меня с мужем расстроивать хочешь? Ненавистно тебе, что мы живем в любви? Нет, уж это тебе не удастся.

Аннушка. Что мне вас расстроивать! Вас не расстроишь. Ты двадцать раз мужа-то обманешь. Я знаю, что я говорю. Кабы не своими я глазами видела.

Бессудный. Что, что?

Евгения. Не слушай, не слушай, Ермолаич! Это она от ненависти.

Аннушка. Ты говоришь, я расстроиваю; ты людей расстроиваешь-то!

Евгения. Что ты с больной-то головы да на здоровую!

Аннушка. Ты не вертись! Уж коли я что скажу, так вправду. Тут вот, на самом этом месте...

Бессудный. Ну, договаривай! Начала, так у меня договаривай.

Евгения. Не слушай ты ее, Ермолаич, не слушай! Теперь-то я догадалась! Не говори, пожалуйста, не просят тебя. Я сама все расскажу. Ишь какая диковина!

Бессудный. Ну, так говори!

Евгения. Ох, смех, право смех! Слушай-ка ты, Ермолаич! А уж я думала бог знает что...

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Бессудный. Что вертишься-то! Говори толком.

Евгения (притворно смеется). Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Как провожали мы барина-то, бегу это я в сени-то, таково тороплюсь, таково тороплюсь... а он, ха-ха-ха! – и схватил меня.

Бессудный. Схватил – да! ну?

Евгения. Вот она выходит, а он, ха-ха-ха! ей в насмешку, ха-ха-ха-ха! и... поцеловал меня.

Аннушка. Да он меня и не видал, и ты меня не видала.

Евгения. Видел, видел, видел! Ха-ха-ха! ох, видел, видел!

Бессудный. Что-то смех-то у тебя не смешон выходит.

Евгения. Да как на нее не смеяться-то! Ха-ха-ха!

Бессудный. Шалишь, лукавишь. Дай срок, я тебя допрошу по-своему, ты у меня не так заговоришь. Да чего тут ждать! Сердце мое не терпит! Сказывай, Анна, как что было!

Евгения. Век ты моей гибели хотела; вот радуйся теперь, коли тебе муж больше верит.

Жук входит.

Жук. Барин Миловидов приехал.

Бессудный. О, чтоб вас! Вот еще принесло! А ты, Евгения, помни! (Грозит пальцем.) Ходи, да оглядывайся. Даром тебе не пройдет. (Уходит.)

Аннушка. Ишь как часто стал... Меня любил, так на дню по два раза не ездил. Ну, золовушка, в одном мы дому с тобой живем, как нам дружка делить? Не на ту ты напала, я тебе дешево его не отдам. Нет, я пошутила, бери его вовсе.

Евгения. Змея, змея! за что ты меня губишь? Какая тебе польза?

Аннушка. Губишь! Какая твоя гибель! Муж поколотит, так милый друг приласкает, вот ты и утетишься; а меня утешит одна сыра земля. Да, сырая земля, знай ты это! (Уходит.)

Евгения. Ах, батюшки! Вот страх-то. Рученьки опустились, ноженьки подкосились. Падаю! ох, падаю! С места-то никак не сойду. Экой муж-то у меня страшный! Глазищи-то как у дьявола! Выпучит их, так словно за сердце-то кто рукой ухватит! Как бы мне только эту беду с плеч стрясти! Увертки-то все бабы из головы вылетели. Только бы он не убивал, погодил бы немножко, дал мне сроку на полчаса, а уж я б что-нибудь придумала. Батюшки! с духом-то не сберусь. Идут. Не муж ли? (Шепчет.) Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Укроти сердце раба Вукола!

Входит Миловидов с трубкой.

Явление седьмое
Евгения, Миловидов, потом Бессудный.

Евгения (тихо). Ой, не подходи! Ой, не подходи! (Берет скатерть и стелет на стол.)

Миловидов. Что так?

Евгения. Золовка, злодейка, подсмотрела да все рассказала, все, злодейка, рассказала.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Миловидов. Плохо твое дело!

Евгения. Ты за ус себя дергай, за ус себя дергай!

Миловидов. Никак ты помешалась?

Евгения (тихо). Да ты гляди, нет ли мужа сзади. Гляди!

Миловидов. Гляжу!

Евгения. Он теперь, аспид, глаз с меня не спустит. Мне оглядываться-то нельзя: он подумает, что мы с тобой шепчемся.

Миловидов. Ну, не оглядывайся.

Евгения. А ты дерни себя за ус-то, как он войдет, дерни; я и буду знать, что он здесь, такую и речь поведу; нарочно, чтоб он слышал.

Миловидов. Бедовая ты баба! (Трогает себя за усы.)

Бессудный тихо входит.

Евгения (громко). Вам-то, барин, шутки, а муж-то мой сердится.

Миловидов. Уж будто и сердится! За что же тут сердиться, я не понимаю.

Евгения. Да ведь и правда, сударь, не хорошо; вы знаете, я женщина замужняя, мне это нейдет.

Бессудный уходит в среднюю дверь.

Миловидов. Ушел.

Евгения. Отведи им глаза!

Миловидов. Каким манером?

Евгения. Обмани ту дуру-то; поласкайся к ней! Будто ты теперь для нее приехал; она опять о себе возмечтает, мешать-то нам и не будет; да ты сделай так, чтоб и муж видел.

Миловидов. Мне это не долго.

Бессудный отворяет среднюю дверь и что-то шарит на лежанке. Миловидов берется за усы.

Евгения. Вам это стыдно! вы благородный! С купцов мы не взыскиваем, потому с них и взыскать нельзя – они без этого жить не могут; а благородные люди совсем дело другое.

Миловидов. Да что ты ко мне пристала! Я сказал, что пошутил!

Евгения. Вам-то ничего, да мне-то не хорошо.

Бессудный уходит.

Миловидов. Опять ушел.

Евгения. А вот он нынче ночью уедет...

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Миловидов. Куда? На разбой, что ли?

Евгения. Кто его знает. Лошадь с поля пригнали, тележку готовят да с Жуком шепчутся. Так ты и приезжай; лошадей-то за кузницей оставь, а сам в задние ворота. Я тебя в сенях подожду.

Миловидов. Ну и отлично! Хватская штука! Так непременно: ты меня жди.

Евгения. Муж-то раньше свету не вернется.

Бессудный входит.

Миловидов (берется за усы). Я и не знал, что ты такая сердитая.

Евгения. Мы всегда вам рады, и просто не знаем с мужем, как вам и угодить; только уж вы оставьте, вперед этого не делайте, прошу я вас.

Миловидов. Ну хорошо, хорошо!

Евгения. Чем потчевать прикажете? Чайку не угодно ли?

Миловидов. Нет, не хочу. Да что Аннушку не видно? Домой бы поехал, да пусть лошади отдохнут; хоть бы с ней поболтать.

Евгения. Кто ее знает, должно быть в светелке. Я, пожалуй, пойду кликну. Только вы мужу не говорите, что я вам выговаривала; а то он, пожалуй, рассердится: скажет, как ты, дура деревенская, смеешь господ учить, которые умнее тебя.

Миловидов (смеется). Хорошо, не скажу, не скажу.

Евгения (наткнувшись на мужа). Ох, чтой-то ты, Ермолаич, как перепугал! Я тебя и не вижу. Да когда же ты, Ермолаич, взошел-то?

Бессудный. Уж ты ступай, куда тебя посылают.

Евгения уходит.

Лошадей-то отложить аль нет?

Миловидов. Не надо, пусть так постоят. Какая жена-то у тебя строгая!

Бессудный. Полоумная она или умна, что ль, очень, уж я и не разберу.

Миловидов. Ты не разберешь, так кто ж ее разберет; тебя тоже на кривой-то не объедешь.

Бессудный. Оно точно, что меня объехать трудно; только нынче больно народ-то хитер стал. Люди-то всё умнеют, а мы-то стареем да глупеем.

Миловидов. Так ты боишься, что жена-то умней тебя будет, когда ты состареешься?

Бессудный. Уж это сохрани господи! глупей бабы быть! Не то что умней, а вороватей.

Миловидов. А ведь, должно быть, скверно, когда жена обманывает! Как ты думаешь?

Бессудный. Что хорошего! Да ведь каков муж! Другого обманет, так и сама не рада будет, что на свет родилась. Вот я тебе притчу скажу. Был у меня приятель, мужик богатый, человек нраву крутого. Только стал он за женой замечать, что дело неладно. Вот он раз из дому и собрался будто в город, а сам задворками и воротился, заглянул в окно, а жена-то с парнем. Что ж он, сударь, сделал!

Миловидов. А что?

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Бессудный. А вот что: парню-то он дал уйти; выждал поры да времени, затопил овин, будто хлеб сушить, да пошел туда с той – с женой-то, с подлой-то, да живую ее, шельму, и зажарил. Вот что он сделал!

Молчание.

Миловидов. Судили его за это?

Бессудный. Нет.

Миловидов. Отчего же?

Бессудный. Да кто ж видел? Кто докажет? Сгорела, да и все тут. Он потом на Афон молиться ушел. А по-моему, так и судить-то не за что: моя жена, я в ней и властен. Да где ж это бабы-то? Где вы там?

Аннушка показывается в средней двери.

Поди, что ты там забилась! Где вас надо, тут вас и нет. (Уходит.)

Явление восьмое
Миловидов и Аннушка.

Миловидов. Скучно что-то, Аннушка!

Аннушка. Вам-то скучно? Может ли это быть?

Миловидов. Отчего же?

Аннушка. Да вы какое хотите веселье, такое себе и найдете. Все в вашей воле. Вам некогда и скучно-то быть! А вот нашу сестру скука-то одолеет, тут куда деться!

Миловидов. Не то что мне скучно, а так, делать нечего.

Аннушка. Да какое же у господ дело! Разве вы, век свой живете, делаете что-нибудь! Обыкновенно одна только забава! Надоело дома, по соседям пировать поедете; и то наскучило, так соберете псарню да зайцев гонять; а то так над нашей сестрой издеваетесь да помыкаете как хотите. Ведь вы, чай, про себя-то думаете, что у нас души нет, мы и чувствовать ничего не можем. Вы, чай, думаете, что мы и не тоскуем никогда. А знаете ли вы, Павлин Ипполитыч, что несчастней нас, девушек, нет никого на свете.

Миловидов. Да пожалуй, что ты и правду говоришь.

Аннушка. Правду, Павлин Ипполитыч, правду!

Миловидов. Да что ты стоишь, Аннушка! Садись сюда ближе!

Аннушка. Сейчас. Вам трубку?

Миловидов. Да. (Кричит.) Гришка!

Аннушка (берет трубку и подходит к дверям). Гришка, подай барину трубку. (Приходит и садится рядом с Миловидовым.) Какой хотите пример возьмите, хоть меня. Приходит девушка в возраст, как должно; что у ней на уме, спросите-ка! Милый человек и больше ничего. Потому всякая знает хорошо, что только ей и пожить, пока она на свободе; а как выдали замуж, так и стала работницей до самой смерти. В это время долго ль нас обмануть! Всякому веришь; кто что ни говори, все думаешь, что правда. Вот этак другой обойдет девку словами, та думает, что она в раю; а он про нее и думать забудет, да еще смеется над ней. Вот когда, Павлин Ипполитыч, девушке скучно-то бывает. Вот когда ей жизнь-то не мила. А у вас какая скука!

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Миловидов. Разумеется.

Гришка подает трубку и уходит.

Аннушка. Нападет тоска по милом-то, куда с ней деваться? Эту тоску в люди не снесешь, ни с кем не поделишь. Разве пожалеют тебя? Всякий над тобой же смеется. И размыкивай горе одна, в углу сидя. А одной-то с горем куда тяжело! Сидишь, не дышишь, как мертвая, а горе-то у тебя на сердце растет... Точно гора какая тебе сердце давит... Мечешься, мечешься.

Миловидов. Хорошая ты девушка, Аннушка!

Аннушка. Теперь только разве вы узнали, что я хорошая девушка? Было вам время меня узнать-то: я тогда еще лучше была.

Миловидов хочет обнять ее; она встает.

Что же это такое вы делаете? За что меня обижаете?

Миловидов. Чем же я тебя обижаю?

Аннушка. Любите другую, а меня от скуки целовать хотите! Что же я такое для вас? Как же мне о себе думать? Ведь это вы мне нож в сердце!

Миловидов. Кто ж тебе сказал, что я тебя не люблю?

Аннушка. Вы сами сказали давеча на этом месте. Не пожалели меня, прямо в глаза сказали.

Миловидов. Мало ль что я говорю. Так давеча хандра какая-то нашла.

Аннушка. Мне бы к вам и выходить-то не надо было; уж я теперь и ругаю себя; да сердце-то наше слабо: все думаешь, а может быть...

Миловидов. Что «может быть»?

Аннушка. Да, может быть, думаешь, он Бога побоится, совесть его зазрит. А ведь и знаешь сама, что этого никогда не бывает, а все лезешь на глаза, точно милости просишь. Стыдно потом до смерти! Нет, прощайте! (Плачет. Миловидов хочет обнять ее. Она отталкивает его.) Оставьте вы меня!

Миловидов. Ну я виноват! ну прости ты меня, прости! (Обнимает ее.)

Аннушка. Бог с вами!

Миловидов целует ее.

Ах, Боже мой! Что вы со мной делаете! Оставьте, оставьте меня! Ведь я живой человек, вы видите, я с собой совладать не могу. А это нехорошо. Стыд-то какой, стыд-то какой! Что я из себя делаю! Где у меня совесть-то! Я себя после проклинать буду.

Миловидов. За что же?

Аннушка. Уж про любовь я вас и не спрашиваю! Какая любовь! Хоть немножко-то вы меня жалеете ли? Чтоб мне не так было самое себя совестно, что вы меня целуете. Или вы всё смеетесь надо мной?

Миловидов. Как можно, что ты!

Аннушка. А потом опять на меня глядеть не станете. Куда я тогда от своего стыда

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
денусь?

Миловидов. А мне кажется, что я тебя полюблю больше прежнего.

Аннушка (смотрит на него как бы с испугом). Прежде вы меня обманули – Бог с вами; а теперь обманете – Бог вас накажет. (Прилегает к Миловидову на грудь.)

Входят Бессудный и Евгения.

Явление девятое
Миловидов, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Евгения. Совет да любовь!

Аннушка. Ах! Что я это! Вот вы меня перед людьми в стыд ввели.

Миловидов. Что за стыд! Вот вздор! Я поеду домой, а денька через два приеду.
Гришка!

Гришка у двери.

Лошадей! Прощай, хозяин! Прощай, хозяйка! (Целуются.) Прощай, Аннушка, милая!
(Целуются. Уходит. Аннушка провожает его.)

Евгения. Видел?

Бессудный. Ну, видел. Ну так что же? Вас тут сам лукавый не разберет.

Евгения. Вот ты теперь и кланяйся жене – то в ноги за обиду. За что ты давеча на меня зашипел, как змея василиска!

Бессудный. Ну, ладно! Вперед зачти. (Уходят в среднюю дверь.)

Аннушка возвращается.

Аннушка. Боже мой! У меня голова закружилась! (Опирается руками на стол и смотрит в окно.) Неужели воротились мои золотые дни? уж переживу ли я, бедная, такое счастье! Вон как покотил, голубчик мой! Экой молодец! Жизнь ты моя! Никогда я так тебя не любила, как теперь. Нет моей воли над собой! И счастье мое, и погибель моя в твоих руках. Пожалей ты меня, бедную!

Действие третье

Лица
Бессудный.

Евгения.

Аннушка.

Миловидов.

Жук.

Гришка.

Иван, кучер Миловидова.

Сени на постоялом дворе, посередине две двери: правая – в черную избу, левая – в чистую комнату; между дверями, у стены, скамья и стол; на столе свеча в фонаре; в левом углу лестница в светелку; с правой стороны дверь на двор; над дверью низенькая рама; четыре небольших стекла в один ряд. Ночь.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Явление первое

Аннушка (сходит с лестницы). Как в светелке страшно одной-то! Ночь темная, ветер воеет. Мужиков же никого в доме нет. Жук уехал. Видела я из окна, как Евгения и брата проводила с фонарем куда-то. Теперь мы одни с ней остались. Пойти хоть к ней, все не так страшно! Выбраться бы мне поскорей из этого дому! Над ним беда висит, уж чует мое сердце; всё здесь не ладно, все здесь живут не по совести. Брат часто по ночам отлучается; соседи говорят про него что-то недоброе, Евгения на каждом шагу лукавит. Что за житье! У всех только деньги на уме, как бы ни добыть, только бы добыть. А сколько из-за этих денег греха на душу принимают, об этом никто и не думает.

Стук в дверь со двора.

Кто-то стукнул!

Голос за сценой: «Евгения!»

Кто-то Евгению кличет. (Прячется за дверь в избу.)

Евгения выходит со свечой из двери, которая направо.

Явление второе

Евгения, потом Миловидов.

Евгения. Никак кто-то стукнул! (Подходит к средней двери.) Кто там?

Миловидов (за сценой). Помещик Миловидов; а ты разве еще ждешь кого-нибудь?

Евгения (отпирая). Ах, сердечный! Кого ж мне ждать, кроме тебя! Что это ты срамить вздумал! Экой обидчик! (Целует его.) А уж я думала, что ты не придешь.

Миловидов. Отчего?

Евгения. Да уж больно ночь темна.

Миловидов. А ведь муж уехал же?

Евгения. Уехал.

Миловидов. Ну, так и я не маленький. Он темноты не боится, так чего ж и мне бояться. Ты, чай, знаешь, для кого темные ночи хороши?

Евгения. А для кого?

Миловидов. Для воров да для любовников. Значит, нам с ним и на руку.

Евгения. Ах ты проказник, проказник! Вот уж ты-то точно что любовник; это надо правду сказать. Кто на тебя ни взглянет, всякий скажет, что любовник. А за что же ты мужа-то моего вором зовешь?

Миловидов. А куда ж он ночью уехал?

Евгения. Да, чай, в казенном лесу дровец порубить.

Миловидов. Ну все ж таки воровать.

Евгения. Да нешто это воровство! Уж это, кого ни возьми из соседей, у всех такое заведение. Однако надо запереть дверь-то!

Миловидов. погоди, надо людям приказать. (Подходит к наружной двери.)

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

В это время Евгения всходит на лестницу.

Эй! Гришка! Иван! Вы здесь?

За дверью: «Здесь, сударь!»

Лошадей у кузницы под сарай запереть! А сами настороже, да не дремать, а держать ухо остро. Слышите!

За сценой: «Слушаем, сударь!»

Евгения возвращается и запирает дверь.

Ух, устал! От самой кузницы пешком шел. (Садится на скамью.) Ты зачем наверх ходила?

Евгения. Светелку заперла.

Миловидов. Для чего?

Евгения. Чтобы Анна, коли проснется, сюда не пришла; девичий-то сои, говорят, чуток.

Миловидов. А она в светелке?

Евгения. В светелке. А тебе на что? Тебе-то на что, завистные твои глаза? Уж я тебя давеча и то было к ней приревновала, да вспомнила, что сама ж тебя учила приласкать ее, уж после и смешно стало.

Миловидов. Что ты ни толкуй, а мне ее жаль.

Евгения. Ну да как не жалеть! Эка невидаль!

Миловидов. Немало я их на своем веку обманывал – и ничего; а перед этой как-то совестно.

Евгения. Очень нужно совеститься! Велика она птица! Уж мне потом на нее-то очень смешно. Ходит и ног под собой не слышит, точно как княгиня какая, уж никак себя ниже не считает. А я-то про себя думаю: дура, мол, ты, дура! Так-то вас и обманывают. Приласкай вас, вы и раскиснете, рады всему поверить. А когда ж это бывает, чтобы мужчина бросил да опять к той же пришел? Мало, что ль, для них других-то дур на свете, вот хоть таких, как я, сирота бедная. (Смеется.)

Миловидов. Рассказывай! Одурачишь тебя, как же! Ты захочешь, так нас всех проведешь.

Евгения. Да уж за таким мужем живя, да в таком омуте, поневоле поумнеешь. Ну, других-то, положим так, что я провела, а тебя-то я чем же? Я тебя вот как, вот как люблю, что уж и не знаю, как описать.

Миловидов. А любопытно узнать, что у женщин на уме. Как бы до этого добраться?

Евгения. Что на уме? Да то же, что у вас.

Миловидов. Ну, нет, у них как-то по-другому. Вот, например, за что ты меня полюбила?

Евгения. Как за что? Первое дело: ты барин, а не мужик, красавец писаный! Кто ж тебя не полюбит! Ведь я не столб каменный! Второе дело: так-то жить, в спокойной-то жизни, скучно; а тут и мужа-то боишься, и увертки-то разные придумываешь, и дружку-то рада, как увидишь; все-таки кровь-то волнуется, все у

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru тебя в голове каждый час забота есть... То-то и жизнь по-моему. А по-твоему как?

Миловидов. Да и по-моему так же. Оттого-то я и не женюсь.

Евгения. И не женись. Что тебе за неволя хомут-то на шею надевать! Да что ж это ты, голубчик, здесь сидишь! Пойдем в комнату, я тебе и винца и закусочку приготовила.

Миловидов (встает). Пойдем! Только как же? Ведь в окна огонь видно будет.

Евгения. Так что ж за беда? У нас постоянный двор, всю ночь не гасим; вот и в сенях во всю ночь фонарь горит. Вдруг приедет кто, скоро ль огонь-то вздуешь, а тут уж готово.

Миловидов. А ну как муж воротится?

Евгения. Он ближе свету не будет.

Миловидов. А ну вдруг?

Евгения. Услышу, как постучит. Я тебя тогда в чулан спрячу, а как заснет муж, да и жук уляжется, тогда провожу за ворота.

Миловидов. Молодец ты, баба! Вот это мне на руку; таких я люблю.

Евгения. То ли бы еще было! Вот только одна помеха, как бельмо у меня на глазу, – эта Анна. Как бы нам ее с рук сбить. Замуж бы отдали, да и слышать не хочет. Ты когда к нам приедешь, так не очень с ней строго, а то она догадается. А ты все ее поманивай, все поманивай – она на это глупа, не разберет, шутишь ты аль нет. Ну пойдем же, мой сокол ясный! Сколько теперь часов-то?

Миловидов (смотрит на часы). Одиннадцатый в исходе.

Евгения. О, еще до свету-то как далеко!

Уходят в комнату. Аннушка выходит.

Явление третье

Аннушка (одна). Вот я до чего дожила! Что я слышала! Как я жива стою! Дурой меня называли, смеялись надо мной! А какая ж я дура? Чем я дура? Разве тем только и дура, что верю человеку, когда он на небо глядит да божится, да верю тому, кто меня целует, что он меня любит. Виновата ли ж я, что у нас на каждом шагу Иуду встретишь, который тебя целует, а сам тут же продает ни за грош. За что ж смеяться-то! Любил, ну перестал любить; за что ж ты смеешься-то? Я не навязывалась. Ты сам меня давеча позвал. Вот это обида! Обида кровная! Я говорю: смеяться будешь! «Нет», говорит. Вот это обида! Ох! Не снесет сердце! Вся душа-то у меня чернеет, как черная ночь. Самое себя мне страшно! Зажгу... Зажгу дом. Пусть сгорят оба, и я с ними... (Берет со стола фонарь.) Пойду... сейчас пойду... Пусть же они знают... Батюшки, ноги нейдут, точно не пускает кто... Не моя, так чья-нибудь молитва бережет меня от греха смертного... Вот и жаль! Зачем мне его жаль стало? Что за глупое сердце девичье! Разве он не злодей мой? А ее убила бы, змею лютую! Братец, убей ее! убей ее! А он пусть живет... Что я такое, чтоб из-за меня ему умирать! Что мы такое! А он барин... Вот он любил меня, теперь другую любит! Кто ж ему запретит... А я мучаюсь да мешаю ему. Вот что! Зачем мешаю ему?... Зачем на свете живу, себя мучаю?... Она нам помеха, говорят! Помеха я им! Ну что ж!.. Где это у братца было... Видишь ты, я помеха, помеха! Боже мой! Я не живая, у меня сердца нет, я не чувствую; я помеха только. Ну что ж! Ну пусть живут без помехи! Где это у братца было спрятано... Там в шкапу, кажется. (Кивает головой в ту сторону, куда ушли Миловидов и Евгения.) Ну, прощайте! Живите без помехи!.. А страшно! Страшно самой-то на себя... Ведь вот думаешь, что легко; а как придется, так страшно! Что есть на белом свете – со всем расставаться! Все жить... а я одна... Для всех-то завтра солнце взойдет, свежий ветерок подует, загорятся кресты на церквах, заскрипят ворота по деревьям, погонят стадо... а мне темно, темно, темно будет.

Уходит в избу. Над дверью поднимается рама. Жук снаружи просовывает руку,

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
вынимает болт, отворяет дверь и входит.

Явление четвертое
Жук, потом Бессудный.

Жук. Ступай, хозяин.

Бессудный (входя с завязанной головой). Тише ты! Может, спят, так и ладно: мы тут постелемся.

Раздеваются.

Жук. Ну, хозяин, кабы не савраска, плохо наше дело; только он и выручил.

Бессудный. Я этому дураку-то поверил. Едут, говорит, пьяные, безо всякой опаски. Вот поди ж ты, грех какой! (Поправляет повязку на лбу.)

Жук. Больно зашиб?

Бессудный. Больно.

Жук. Чем это тебя он огрел?

Бессудный. Кто ж его знает! Ведь ты помнишь? Едут они шагом, ямщик дремлет, и мы за ними шагом; слез я тихо, подошел к тарантасу, слышу, храпят; стал я веревки отвязывать осторожно, что сам себя не слышу, как он меня ошарашит! Да как крикнет: «Стой, ямщик! не слышишь, грабят!» Да как выскочут трое. Не впрыгни я в телегу да не повороти ты живо, только б мне и на свете жить. Всю дорогу у меня искры из глаз сыпались. Ты лошадь-то куда дел?

Жук. Я ее стреножил да со двора спустил. Она своих лошадей найдет, а уж чужому ни за что не дастся.

Бессудный. Струмент-то в телеге?

Жук. В телеге.

Бессудный. Пойти спрятать подальше от греха; неровен час, подозрения бы не было.

Жук. Обыску, что ль, боишься?

Бессудный. А то чего ж? Известно, обыску. На меня соседи злы, так и смотрят, вороги, как бы тебя под кнут подвести. Уж я откупался, откупался; а все не с своим братом, того и жди что нагрянут.

Жук. Так пойдем уберем.

Бессудный. Нет уж, я когда что прячу, так один.

Жук. Что ж, я докажу, что ли? Вместе ведь мы с тобой...

Бессудный. Доказать не докажешь, а все-таки здоровее.

Уходит.

Жук (прислушивается у двери). Что ж бы это такое? Разговор. (Приотворяет немного дверь.) Вот те раз! да и барин здесь. С хозяйкой сидят. Ах, баловство! Ну, подожди ж! Хозяин тебе спасибо не скажет. Говорить аль нет? Пойду лучше скажу; пусть возьмет арапельник хороший. Надоть будет ее поучить, чтобы она не баловалась. Видно, без науки с бабой ничего не сделаешь. (Уходит.)

Выходят Миловидов и Евгения.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Явление пятое
Миловидов и Евгения.

Миловидов. Мне вдруг послышалось, что кто-то стонет.

Евгения. Батюшки, и дверь расперта! Не муж ли?

Миловидов. Кто же стонет-то?

Евгения. Уж я не знаю. Я пойду лягу, будто сплю мертвым сном, ты тоже схоронись где-нибудь. (Уходит.)

Миловидов (подойдя к двери, которая в избу). Точно как здесь? Да здесь и есть. (Уходит в дверь.)

Со двора входят Бессудный и Жук.

Явление шестое
Бессудный и Жук.

Жук. Неладно, хозяин, право неладно.

Бессудный. Да что? говори, образина!

Жук. У нас гости непрошеные.

Бессудный. Воры, что ли? О, убью до смерти! По крайности есть на ком сердце сорвать. Где они? Указывай! (Берет нож.)

Жук. Воры не воры, а и не добрые люди.

Бессудный. Да где? В избе, что ли?

Жук. Ты поди подле хозяйки поищи! Я отворил дверь-то, а он там сидит, вино пьет.

Бессудный. Кто?

Жук. Барин, Миловидов.

Бессудный. Ну, барин, держись теперь!

Жук (хочет остановить его). Что ты, что ты? Опомнись!

Бессудный. Ты себя-то береги! Не подвертывайся мне под руку, когда я в задор войду. Пора тебе меня знать.

Из двери избы выходят Аннушка и Миловидов, который ее поддерживает и сажает на скамью.

Явление седьмое
Бессудный, Жук, Миловидов и Аннушка.

Бессудный. Так вот ты с кем?

Миловидов. А ты что думал? Какая ты, Аннушка, бледная!

Аннушка. Я говорю, что я умираю.

Миловидов. Полно! Ну уж и умирать! Расхворалась от простуды, вот и все тут. Ведь сама же говоришь, что простудилась. (Садится подле нее.)

Бессудный (Жуку). Что ж ты врешь! Ведь ты мне всю нутренность надорвал.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Полоснуть тебя хорошенько, так ты забудешь хозяина пугать.

Жук. Ну тебя! Уйти от греха. Ишь ты, ровно сумасшедший: под носом не видишь, а на своих мечешься. (Уходит.)

Миловидов (Аннушке). Да что с тобой? скажи ты мне!

Аннушка. Ничего, ничего; только не уходи от меня, посиди со мной немного.

Миловидов. Изволь, изволь, я посижу с тобой. (Бессудному.) Ты откуда явился?

Бессудный. Я-то не диковина, твоя-то милость какими судьбами не в указные-то часы по чужим дворам жалуется?

Миловидов. Был на охоте в ваших болотах, да запоздал, а домой-то проселком ехать темно; вот я и заехал.

Бессудный. Так! Стало быть, тебе теперича верить надо?

Миловидов. Как хочешь!

Бессудный. Не лжешь, так правда.

Миловидов. Что это лоб-то у тебя?

Бессудный. На сучок наткнулся, за лесом ездил.

Миловидов. За чужим?

Бессудный. Кто ж ночью за своим ездит? А жена где?

Миловидов. Спит, должно быть. Что ж ей больше делать. Ступай, старик, и ты спи, а я с больной посижу.

Бессудный. Да уж одно дело, что спать, не в гулячки ж играть. (Уходит.)

Аннушка. Ох! Скоро мой конец. Хочешь ты меня слушать, так послушай; а то ступай с Богом. Не поминай лихом! Завтра меня на свете не будет.

Миловидов. Ах, Аннушка, как мне тебя жаль, бедную! Повяжи голову, намочи уксусом, вот и пройдет! Да скажи ты: что с тобой? Что ты чувствуешь?

Аннушка. Скажу, не утаю; только мне нужно тебя спросить прежде.

Миловидов. Изволь, Аннушка, изволь; спрашивай все, что тебе угодно.

Аннушка. Я у тебя буду спрашивать, а ты мне отвечай! Ах, как голова кружится! Только ты не лги. Грех тебе будет; ты видишь, я умираю... И умру к завтраму, ты уж мне поверь!.. И жить мне незачем... Да, так что же я хотела? Да, вот: ты меня любил?

Миловидов. Любил, Аннушка, очень любил. Ты сама знаешь, как я любил.

Аннушка. А теперь разлюбил? Только ты не грехи, не обманывай, как давеча.

Миловидов. Что ж делать-то, Аннушка, с сердцем не совладаешь. Я и теперь люблю тебя, только что не по-прежнему! Уж ау, брат! прежнего не воротить.

Аннушка. А я все по-прежнему. Ну да хорошо! Ты теперь Евгению полюбил?

Миловидов. Ты потише, как бы муж не услышал. Ну, да не то что полюбил, а так она мне своим веселым характером понравилась. Да и притом же у меня такое правило, Аннушка, никому пропуска не давать. Бей сороку и ворону... Все ж таки это далеко не то, как я тебя любил.

Аннушка. Ну да хорошо, хорошо, это твое дело. Никто тебе указывать не может, кого ты хочешь, того и любишь. Мне теперь только одно нужно знать от тебя, одно, а там хоть и умирать. Неужто же Евгения меня лучше, что ты меня променял на нее?

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru Вот эта-то обида мне тяжелей всего; вот это меня до гибели и довело. Чем таки, скажи ты мне, чем таки она меня лучше? А по-твоему выходит, что лучше. (Плачет.) Я тебя любила так, что себя не помнила, весь свет забыла, привязалась к тебе как собака, ни душой, ни телом перед тобой не была виновата, а ты меня покидать стал, полюбил бабу, чужую жену. Все было бы это ничего, а вот что мне уж очень обидно, чего я пережить не могла... знать, уж она очень мила тебе, что ты для нее стал меня в глаза обманывать да потом вместе с ней смеяться надо мной. Вот что ты мне скажи теперь, не утай ты от меня: чем она тебе так мила стала, и с чего я тебе так опротивела? (Плачет.) Мало тебе того, что ты меня безо всякой вины обидел; ни с того ни с сего от себя прочь оттолкнул, ты еще из меня, для моей злодейки, потеху сделал, чтоб ей не скучно было. Ох, Господи Боже мой! Господи Боже мой! умереть бы поскорей!

Молчание.

Только что мое сердце больное поджигать было стало, надорвал ты его давеча своими притворными речами да поцелуями; да над моей болью-то смеетесь с ней вместе. Ведь я здесь была, я все слышала. За что ж мне такая казнь от тебя, скажи ты мне? Чем я перед тобой виновата? Что я такое страшное сделала? И она-то чем вдруг тебе так мила стала, что ты никого для нее не жалеешь?

Миловидов. И ты говоришь, что ты никакой вины за собой не знаешь?

Аннушка. Никакой; вот видит Бог! Мне теперь лгать ни к чему! Мне недолго жить осталось!

Миловидов. И ты считаешь, что я тебя обидел?

Аннушка. Да как же не обидел-то! Чего ж еще! Ты посмотри на меня.

Миловидов. Даром обидеть я никого не хочу. За дело я точно что не помилую; а даром обижать безответных людей нам не годится. Так ты говоришь, что я тебя даром обидел?

Аннушка. Даром, Павлин Ипполитыч.

Миловидов. Это по твоему понятию даром, а по нашему, не даром. Я тебя любил; помнишь, как за тобой ухаживал, как за барышней, а ты что ж мне всего не сказала? Разве это честно? Ну, сгоряча-то я женился бы на тебе, куда бы мне тогда только нос-то свой показать? Ты должна была мне все сказать.

Аннушка. Да что все-то?

Миловидов. Да то, что у тебя был любовник, что ты с ним и теперь выдаешься.

Аннушка. Что ты! что ты! Не грехи! Ведь я еще живая, вот после говорите что хотите. Да я пока к брату не переехала да тебя не увидала, не знала, что это и слово-то значит. Как же мне жить на свете после таких слов твоих! Умирать и надо. Кто бы говорил, да не ты.

Миловидов. Так меня обманули?

Аннушка. Бог с тобой! Как хочешь, так и думай! Мне теперь все равно. Кто это тебе сказал? уж не она ли?

Миловидов. Она. Да она же мне еще говорила: «Ты что на нее смотришь, что она такую недотрогу разыгрывает! С другими она так не манежится, это с тобой только; потому что она тебя заманивает, чтоб ты на ней женился. Она уж давно всем говорит: «Быть мне барыней! Посмотрите, как я его, дурака, обойду». Каково ж мне было это слышать! Мне, Миловидову! Ну, так нет, говорю, шалишь!

Аннушка. Зачем же ты ей верил?

Миловидов. Нельзя было не верить. Бывало, я прощаюсь с тобой, домой собираюсь ехать, а она стоит, головой качает да вздыхает. Я у нее раз и спросил: «Что, мол, ты вздыхаешь?» – «Да так, говорит, жаль мне тебя». – «Что так?» – говорю.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Она мне все вот это и рассказала; ну, я и оглобли назад от тебя.

Аннушка. И стал ты моим обижать всячески, и стала я вам помеха.

Миловидов. Ну, да уж теперь ей от меня достанется. Я еду-еду не свищу, а наеду – не спущу.

Аннушка. Ох! Сил моих больше нету!

Миловидов. Ты бы легла пошла.

Аннушка. И то, пойду лягу. Не дойти мне до светелки-то.

Миловидов. Я провожу тебя.

Аннушка. Ну, теперь ты веришь, что я ни в чем перед тобой не виновата?

Миловидов. Верю, Аннушка, верю!

Аннушка. Ну и хорошо! По крайней мере ты зла не будешь на меня иметь, простишься со мной без сердца, по-христиански. И я тебя прощаю, ты не виноват. А кто виноват, того суди Бог. Мне больше не жить. Ты никому не говори... Ох! (Опускает голову на стол.)

Миловидов. Что ты, Аннушка, Аннушка? (Кричит.) Бессудный!

Входит Бессудный.

Явление восьмое
Миловидов, Бессудный и Аннушка.

Бессудный. Что еще? Покою нет на вас.

Миловидов. Твоя сестра умирает.

Бессудный. Ну что ж! Умрет, так похороним. С чего ж это она умирать вздумала?

Миловидов. А с того, что твоя жена обманула меня, да вот и довели девку до гибели.

Бессудный. Чем же это она тебя обманула?

Миловидов. А тем, что наплела мне на нее, что у нее любовник есть, да разного вздору, отбила меня от девки.

Бессудный. Так это она?

Миловидов. Она.

Бессудный. Зачем же она?

Миловидов. Стало быть, ей нужно было. Сам догадайся.

Бессудный. Догадаться-то я уж давно догадываюсь, только... Эх, барин!

Миловидов. Что – эх, барин!

Бессудный. Ты шутить шути, а за больное место меня не задевай! Я ведь не погляжу...

Миловидов. Ну, ну! Мне больней твоего. Зови жену сюда, зови, говорю я.

Бессудный. Ох, барин! да если все это правда, ты уходи лучше. Нехорош я в сердцах, я самому себе страшен, я проклятый человек.

Миловидов. Зови жену, говорю я. Надо же дело на свежую воду вывести. А тебя я не

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru испугаюсь; не на того напал.

Бессудный уходит.

Аннушка! милая! Что с тобой?

Аннушка (слабым голосом). Не говори никому. Я отравилась.

Миловидов. Боже мой! Что ты! Чем? Когда? Говори скорей!

Аннушка. Вон там, сейчас...

Миловидов. Мы тебя спасем, Аннушка, поможем тебе! Эй! Где вы там?

Аннушка. Нет уж теперь поздно. (Падает без чувств.)

Входят Бессудный и Евгения.

Явление девятое

Миловидов, Аннушка, Бессудный, Евгения, потом Гришка, Иван и Жук.

Миловидов. Кабы только ей помочь, ничего не пожалею. Нет ли у вас чего? Поскорей! поскорей!

Евгения. Да что с ней, батюшки?

Миловидов. Она отравилась, дьяволы вы такие!

Бессудный. Как так отравилась! Чем у нас отравиться!

Миловидов. Я ее застал там, в кухне, у шкафчика.

Бессудный. Посмотрю пойду, что там такое. (Уходит.)

Миловидов. Вот ты что наделала! Весело теперь тебе смотреть на нее!

Евгения. Кто ж это знал! Кто ж это знал! Я сама-то умираю.

Миловидов. Убью я тебя на месте! Зачем ты мне нагала на нее?

Евгения. Кому ж чужое счастье не завидно!

Миловидов. Так это все вздор, что ты говорила, все неправда? Ну, говори!

Евгения. Все неправда! все неправда!

Миловидов. Ведь тебя теперь повесить за это мало! Ну, да вот я с мужем поговорю: он тебя рассудит по-своему.

Евгения. Не губи! Ради Бога, не губи! Лучше возьми убей меня из своих рук, только мужу не говори.

Миловидов. Неужели ж тебя помиловать! Ведь за то, что ты сделала, в Сибирь ссылают, на каторгу.

Евгения. Легче мне в Сибирь идти.

Миловидов. Всех вас пора сослать туда, а гнездо ваше проклятое разорить, чтобы и праху не осталось.

Бессудный входит.

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Всех вас в Сибирь сослать.

Бессудный. То-то вот и есть, горяч ты больно! Шум-то ты поднимаешь из пустяков. Только людей беспокоишь.

Миловидов. Как из пустяков! Загубили душу, разве это пустяки? Аль тебе и душегубство нипочем стало?

Бессудный. Кто ее загубил! Какое тут душегубство! Ничего не бывало. Я было и сам перепугался. Точно, что она лишнеехватила, да от этого не умрешь. Проспит часа два, да дня три голова проболит.

Миловидов. Что ты, Бессудный! Да ты врешь, разбойник!

Бессудный. Да уж это верно. Хочешь, при тебе сейчас выпью? Разбойник-то кто-нибудь другой, а не я.

Миловидов. Да, понимаю. Это чем ты проезжающих поишь. Теперь я понял..

Бессудный. Это уж мое дело. Ты докажи прежде, что я пою, да потом и разговаривай.

Миловидов. Ну, обрадовал ты меня. Уж я ее от вас к себе домой возьму. Аннушка, милая! (Целует ее.)

Бессудный. Бери, пожалуй! Не больно она нам нужна.

Евгения. Ты, стало быть, жениться хочешь?

Миловидов. Мое дело. Уж теперь нас громом не расшибешь!

Евгения. Ну вот и слава Богу!

Миловидов. Ну, хозяин, я человек военный, простой, за твою прежнюю любовь да ласку, хочешь, я тебе скажу, зачем я к тебе ночью приехал?

Бессудный. Говори!

Евгения. Ой!

Бессудный. Что ты?

Евгения. Что-то, Ермолаич, в бок кольнуло! Так вдруг с перепугу-то, что ли?

Миловидов. Так говорить?

Бессудный. Что ж, говори, мы слушать будем.

Миловидов. Нет уж, лучше я в другой раз.

Бессудный. Нет, уж ты, коли начал, так говори!

Миловидов. Насильно не заставишь; захочу, так скажу.

Бессудный. Говори, барин!

Миловидов. Нет, ты сердит очень, я тебя боюсь.

Бессудный. Барин, не дразни!

Миловидов. Кабы ты не женился на молодой, так был бы покойнее, ревность-то бы тебя не мучила. Вот теперь и думай про себя, как знаешь; а я уеду, как ни в чем не бывал.

Бессудный. Не дразни, барин! Говорю тебе, не дразни! (Кидается на Миловидова.)

Миловидов (вынимает пистолет). А этого не хочешь! (Свищет.)

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

У дверей показываются Гришка и Иван.

Стойте здесь! Мы лучше с тобой честь честью простимся. Иван!

Иван. Что, сударь, угодно?

Миловидов. В полчаса довезешь домой?

Иван. Как прикажете, так и будет. Духом докатим.

Миловидов. Так долететь, чтоб она очнуться не успела; пусть уж дома очнется, барыней! Прощай, хозяйка! (Целуется с Евгенией.) Прощай, хозяин! Ты за женой-то поглядывай! У вас место бойкое.

Звон колокольчика.

Вон слышишь, купцы наехали. Ты поглядывай.

Бессудный. Уж это не твоя забота. Вперед меня не забывай, я найду чем угостить.

Миловидов. Спасибо. Как не заехать! заеду. Коль тебя опять не застану, так вот хозяйка дома будет, с ней побалагурим. Только я, брат, без гостинца не езжу. (Показывает на пистолет. Людям.) Берите свою барыню да несите бережно в коляску.

Жук входит.

Жук. Хозяин! проезжие.

Бессудный (жене). Ну поди! встречай! улыбайся, дьяволи, а расчет после.

Комментарии

Впервые комедия была напечатана в «Современнике», 1865, №9.

Сюжет пьесы навеян непосредственными жизненными впечатлениями писателя во время его поездок в 1856 и 1857 годах по верховьям Волги и в поместье Щельково близ Кинешмы.

С. В. Максимов в статье «Литературная экспедиция» отметил: «Случайная встреча с отказом в приюте на ночлег по пути из Осташкова во Ржев и с хозяином постоянного двора, имевшим разбойничий вид и торговавшим пятью дочерьми, напечатлелась в памяти и выработалась в комедии «На бойком месте» («Русская мысль», 1890, №2, стр. 41).

Это сообщение подтверждается путевыми записками самого А. Н. Островского, который, приехав в Ржев из Осташкова, 1 июня 1856 года занес в свой дневник следующие строки: «Странствовали всю ночь. В Ситкове содержатель постоянного двора, толстый мужик с огромной седой бородой, с глазами колдуна, не пустил нас; у него гуляли офицеры с его дочерьми, которых пять» (т. XIII, стр. 227).

Поездки в Щельково обогатили Островского новыми бытовыми данными, понадобившимися для пьесы. По рассказам щельковских старожилов, один из кабаков, разбросанных по лесному галичскому тракту, прежде находился неподалеку от усадьбы, купленной впоследствии отцом А. Н. Островского, и пользовался недоброй славой: возле него происходили грабежи и убийства. Ко времени первого приезда драматурга в Щельково этот темный притон уже не существовал. Характерно, что в ремарке первого акта комедии точно сказано: «Действие происходит на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием «На бойком месте», лет сорок назад». Но разбои на большой дороге продолжались еще долгое время. «У нас сильный грабеж и много народу убивают», – извещала А. Н. Островского в 1869 году И. А. Белихова, управлявшая щельковским имением.

Не раз упоминаемые в разговорах действующих лиц село Покровское и Новая деревня

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru расположены по соседству с Щельковым. Именье в Покровском собирался купить в 1874 году младший брат писателя, Андрей Николаевич.

Само собой разумеется, что черты местного быта воссозданы в пьесе вовсе не фотографически; в ней обобщены драматургом многие жизненные наблюдения. Так, например, ямщик Раззоренный, отличающийся бойкостью и своеобразием своей речи, встретился А. Н. Островскому на пути к югу от Москвы. «Между Тулой и Ефремовом, – писал он П. М. Садовскому и С. С. Кошеверову (27 июня 1860 г.), – нам попался очень веселый ямщик, Матвей Семенович Раззоренный, который водку называл гарью, шкалик – коробочкой, и на мой вопрос, жива ли у него жена, отвечал: «Да зачем же ей умирать–то, чудак! Она еще ума не прожила» (т. XIV, стр. 77). Над комедией «На бойком месте» драматург работал в 1864 и 1865 годах. На обложке автографа (хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) рукой писателя помечено: «1865 г. августа»; по листам рукописи поставлены даты, указывающие на последовательный и постепенный ход работы: «8 авг.», «10 авг.», «11 авг.» и, наконец, «18 авг. Полдень» – на последней странице рукописного текста. Это не значит, однако, что пьеса была создана в течение десяти дней: сохранившийся автограф носит следы переработки не дошедшего до нас первоначального текста.

О трехактной пьесе, начатой еще весной 1864 года, А. Н. Островский писал Ф. М. Достоевскому в самом начале 1865 года (3 января): «Дайте мне отдохнуть немного, я Вам непременно напишу пьесу, и скоро». Это и была начатая драматургом комедия «На бойком месте».

В московском Малом театре премьера «На бойком месте» шла 29 сентября 1865 года в бенефис артиста А. А. Рассказова, исполнявшего роль купчика Непутевого, с участием П. М. Садовского в роли Бессудного. Другие роли исполняли: Миловидова – Н. Е. Вильде, Евгении – А. И. Колосова, Аннушки – Г. Н. Федотова, Сени – Федоров, Жука – В. А. Дмитриевский, Раззоренного – Живокини 2-й, Пыжикова – Колосов, Гришки – Воронский. Игра артистки Колосовой привела в восхищение самого автора. Двадцать лет спустя он вспоминал: «...особенным... совершенством отличалось исполнение ею роли дворничихи в пьесе «На бойком месте», которая при всей верности действительности была проникнута необыкновенной грацией». Колосову в этой роли Островский ставил выше даже М. Г. Савиной, так как у первой «было несравненно больше живости и ловкости на сцене» (т. XII, стр. 336).

Петербургский Александринский театр показал премьеру «На бойком месте» 25 октября 1865 года, но еще в первой половине сентября Островский писал артисту Бурдину: «Когда я кончил комедию «На бойком месте», я долго думал, кому отдать ее в бенефис. Самая видная, по моему мнению, роль (Евгении) должна принадлежать Левкеевой, ей, по всей справедливости, следовало отдать и пьесу. Что же касается до роли Бессудного, то я с самого начала предполагал отдать ее Самойлову и при проезде его через Москву заявил ему об этом – эта роль совершенно по его средствам» (т. XIV, стр. 131).

На александринской сцене пьеса была поставлена в бенефис Е. М. Левкеевой, исполнившей роль Евгении, при участии артистов: В. В. Самойлов – Бессудный, А. А. Нильский – Миловидов, И. Ф. Горбунов – Непутевый, Васильев 1-й – Жук, Брошель – Аннушка, Степанов – Пыжиков, Озеров – Сеня, Волков – Раззоренный.

На другой день после представления газета «Санкт-Петербургские ведомости» (1865, 26 октября, №281) отметила «полный и совершенно заслуженный успех» пьесы.

Кроме многочисленных театральных рецензий, сколько-нибудь значительных критических разборов комедии «На бойком месте» и печати опубликовано не было.

Комедия «На бойком месте» прочно вошла в репертуар русских театров. Ее популярность среди зрителей особенно возросла в советское время. Так, по имеющимся статистическим данным, в одном 1939 году она ставилась 568 раз в 27 драматических театрах и 350 раз в 14 колхозных театрах.

В 1932 году пьеса была возобновлена к юбилею В. Н. Пашенной московским Малым театром, глубоко раскрывшим ее социальное содержание: «дом Островского» показал колоритнейшую картину из жизни прямых предшественников разбогатевшей, толстосумной буржуазии – держателей темных притонов и грабителей на большой дороге. Спектакль был поставлен П. М. Садовским (младшим). Роли Евгении и Миловидова с блистательным успехом исполнили народные артисты В. Н. Пашенная и

На бойком месте. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
П. М. Садовский.

Пьеса долго не сходила со сцены Малого театра. С нею же театр выступал на гастролях во многих городах: Челябинске, Красноярске, Ижевске, Днепропетровске, Ленинграде, Одессе, Кишиневе и др. В. Н. Пашенная писала в своих воспоминаниях: «Я играла Евгению перед огромным количеством зрителей, всюду – от острова Диксона на далеком севере, где нас смотрели зимовщики, и до Сардонского рудника на крайнем юге, где нас смотрели шахтеры; от Минска до Владивостока... Я играла Евгению, наверное, не менее тысячи раз» (Вера Пашенная. Искусство актрисы, М. 1954, стр. 99, 100).

В 1946 году в дни юбилейной «недели Островского» «На бойком месте» было представлено выездной группой артистов Малого театра в Щелькове и Костроме.

За последние десять лет «На бойком месте» ставили драматические театры Москвы (Московский театр имени А. С. Пушкина), Ленинграда (Ленинградский театр комедии), Минска, Смоленска, Риги, Харькова, Тамбова, Симферополя, Еревана, Г. Фрунзе, Казани, Чебоксар, Костромы, Тюмени, Иркутска, Якутска и других городов. Комедия шла на клубных сценах, была показана впервые на армянской сцене в Арташатском межрайонном театре.

Комментарии С. Ф. Елеонского.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!